

СТИХИЯ И ВЕРТИКАЛЬ

• Борис ВИШНЕВСКИЙ

Конец декабря и первая половина января в Петербурге запомнились надолго: в таком «парализованном» состоянии город не был уже много лет.

Те, кто постарше, говорят, что помнят подобное разве что во время блокады, но тогда, как нетрудно понять, были совсем иные условия. Почему же нынче снегопад (пусть и сильный) для мегаполиса, стремящегося к «европейским стандартам» (как не устают заявлять городское руководство), превращается в глобальную катастрофу?

Официальные объяснения, которые озвучивает питерская администрация, таковы: на город обрушилось небывалое стихийное бедствие, которого не было, начиная с 1881 года, и даже прилагая все силы, власть не могла справиться с его последствиями. То есть, конечно, есть упущения и просчеты, и «расслабленность» (после трех малоснежных зим) — но главное все-таки в погодных условиях. Плюс виноваты управляющие жилыми домами компании, которые не выполняют своих обязанностей по очистке территорий и крыш, и еще виноваты автомобилисты, которые где попало парковали машины, мешая уборке, и виноваты владельцы и арендаторы магазинов и офисов, которые должны были очистить подходы к своим зданиям. Чиновники же, если и говорят о своей ответственности (еще бы они ее вообще отрицали!), то без малейшего раскаяния. И в отставку никто не подал. И никто не извинился перед горожанами за все те неудобства, которые они претерпели. Разве что туманно пообещали компенсировать причиненный ущерб за счет бюджета — но для этого сперва надо будет этот ущерб доказать...

Почти все это — от лукавого. Начиная с заявлений о «небывалых катаклизмах»: те, кто позаботился изучить статистику, быстро выяснили, что подобные снегопады бывали за последние полсотни лет неоднократно. И каждый раз с их последствиями справлялись — на улице выходили дворники и выезжала техника. При этом ни разу не случалось такого, чтобы, отойдя на два метра от Невского проспекта по набережной Мойки, продвигаться дальше можно было только с огромным трудом. Чтобы в новых районах старики и мамы с колясками вообще не имели возможности добраться до магазина, поликлиники, аптеки — потому что для этого пришлось бы преодолевать полутораметровые сугробы.

И, самое главное, — ни разу не было такого, чтобы в самый разгар «снежного Апокалипсиса» городская власть как сквозь землю провалилась: с конца декабря и до середины января от нее не было практически никаких известий. А суть редких выступлений была такова: гражданам надо, мол (как выразился вице-губернатор Алексей Сергеев), «избавляться от иждивенческих настроений». То есть, самим решать проблемы уборки снега — вместо тех, кто получает за это немаленькие деньги. И только с середины января власть «проснулась», и устами губернатора Валентины Матвиенко начала «накачку» коммунальных служб, требуя все убрать, исправить и наладить. Тут-то на улицах внезапно появились дворники (оказывается, они все же есть), и техника, и город постепенно начал обретать нормальный вид — так, чтобы в нем нельзя было снимать фильмы о блокаде...

Тем не менее, остались без ответа многие вопросы. Почему в Москве, Пскове, Новгороде, на которые тоже обрушились снегопады, оказалось на порядок чище, чем в северной столице? Почему там власть справилась с уборкой снега, а в Петербурге это оказалось для нее неразрешимой проблемой? Да, снега в Питере выпало в полтора раза больше, чем в Москве. Но ведь Москва — гигантский город, в котором значительно большее число автомобилей, где сумасшедшие пробки, и где, казалось бы, куда сложнее наладить уборку. Однако ее наладили — и те, кому в новогодние дни приходилось сравнивать две российские столицы, делали выводы отнюдь не в пользу второй. Далее, почему в Москве (бюджет которой лишь втрое превышает петербургский) на улицах работало в 15 (!) раз больше техники? Почему у питерских чиновников не сходятся цифры: год назад они говорили, что у них в наличии 2,5 тысячи единиц снегоуборочной техники, а сейчас уверяют, что ее вдвое меньше? Почему перед Новым годом, когда надо было торжественно открывать новые станции метрополитена, к приезду начальства территорию вокруг «Горьковской» и «Звенигородской» расчистили (и техника нашлась), а на соседних улицах в это время передвигаться можно было только на лыжах или вездеходах? Почему оперативный штаб, который взял на себя координацию всех работ, был создан только через три недели после начала снегопадов?

Так чего же стоит так долго выстраиваемая «вертикаль», объявленная спасением от «хаоса 90-х годов», если она не способна справиться даже с последствиями снегопада?

Впрочем, это неудивительно, и об этом не раз предупреждали. Ведь главный принцип «вертикали» — отсутствие обратных связей между властью и обществом. А в ситуации, когда чиновник не зависит от граждан, он не имеет ровно никаких стимулов для того, чтобы решать их проблемы. Так не пора ли задуматься о том, чтобы, как говорили в старом анекдоте, «менять систему»?